

Колногород Александр

РАССКАЗЫ

Ноябрь 2006

ВСЁ РАВНО

Саша стоял на крыше и смотрел на город. Солнце постепенно садилось, и окна соседних домов горели красным светом, и даже белые кирпичные стены казались красными. Был летний вечер, дул прохладный ветерок, и здесь, на крыше семиэтажного дома Саша вдруг почувствовал себя очень спокойно. До того, как он забрался сюда, в его голове был абсолютный беспорядок, мысли путались, цепляясь одна за другую, но стоило ему залезть на крышу, как он ощутил, что всё стихло. Вдруг он вспомнил, как здесь, когда-то ещё очень давно, они с Оксаной сидели, обнявшись, смотрели на звёзды и рассказывали друг другу истории из детства, и просто молчали подолгу, а под утро она уснула у него на плече, а он, так же как и сейчас, смотрел с этой крыши на город, залитый предрассветным красным светом...

Саша вспомнил об этом, и эта мысль вмиг разрушила всю его гармонию и спокойствие. Он пришёл сюда, чтобы не думать ни о чём, а вместо этого он вдруг вспомнил то, от чего пытался убежать весь этот месяц – и никак не мог.

И он начал вспоминать всё подряд, с самого начала. Как он приехал к Оксане, в этот город, где он никого не знал, и она встретила его на вокзале и робко, по-дружески, поцеловала в щёку – и он влюбился в неё в ту же секунду. Вспомнил свои глупые попытки будто бы случайно задеть её ногой под столом, когда они следующим вечером сидели у её друзей. Вспомнил, как, когда все разошлись, Оксана вдруг позвала его на улицу, и они, взявшись за руки, гуляли по совершенно тёмным зимним улочкам во дворе. Фонари тогда нигде не светили, и было ничего не видно, и они пробирались на ощупь, осторожно пробуя перед собой дорогу ногами. Как, когда они вернулись, он перед дверью в подъезд попробовал поцеловать её – а она не ответила ему. А уже через каких-то две недели они начали жить вместе, и это было самое лучшее время в его жизни.

Да, Саша так и подумал. Самое лучшее время в его жизни. Он стукнул себя кулаком в лоб, чтобы прогнать эти мысли, и хотел было слезть с крыши и пойти домой, но вдруг увидел, как внизу, под домом начали собираться люди. Очень полный мужчина со смешными старомодными бакенбардами и брюками на коричневых подтяжках выгуливал свою собаку. Другой мужчина в трико и олимпийке, надетой на голое тело, вышел из подъезда, сел на скамейку и начал курить, закинув ногу на ногу. Женщина в синем потёртом халате вынесла мусор и долго стучала ведром о край железного мусорного бака.

Саше было интересно смотреть за ними. «Я их вижу, а они меня нет. А интересно, что бы они подумали, если бы подняли голову вверх и заметили меня?»

И тут из подъезда вышла Оксана...

Они никогда не ссорились. И всё-таки что-то в какой-то момент пошло не так. Весь этот месяц Саша пытался понять, что же случилось, что произошло, в чём была его вина. И почему всегда когда-нибудь что-то обязательно идёт не так. Он очень хорошо помнил этот вечер. Оксана прибиралась, Саша готовил на кухне макароны. Вдруг он услышал, как она уронила швабру, и сразу побежал в комнату. Она сидела на кровати и плакала.

- Что, что случилось, Оксаночка, милая моя, что же ты плачешь? – Саша начал обнимать её, целовать, гладить её волосы. Он очень испугался.

- Ты знаешь.. Сашенька.. Прости меня. Так глупо всё это... Но я не могу больше так. Я не знаю, что происходит. И я не знаю, что с нами случилось... И мне очень... трудно тебе это говорить... Я не знаю, Саша...

Он проревел всю ночь на кухне. Ему было стыдно, но он не мог остановиться – всё плакал и плакал. Когда они легли, он подождал немного, затем встал и прошмыгнул на кухню, в надежде, что она уже спит, и ничего не заметит и не услышит. Но она не спала. Она лежала, отвернувшись к стенке, и думала. И ничего не могла придумать...

Саша увидел и узнал её сразу. Сначала он хотел окликнуть её, но сразу передумал. Затем в какой-то момент дёрнулся, чтобы спуститься с крыши и догнать её, но побоялся, что она уйдёт, пока он спускается по подъезду во двор. Он ещё раз подошёл к краю крыши и посмотрел вниз. Оксана подняла голову и смотрела прямо на него.

- Саша?! Что ты там делаешь? Осторожно, не упади! Не подходи так близко к краю! Спускайся скорее, ты что? Ты зачем залез туда?!

Она говорила что-то ещё, но он её не слышал. Он смотрел на неё, и вдруг какая-то мысль пришла в его голову. Ощущение того, что он что-то понял, но сам ещё пока не мог разобрать что. Он чувствовал, что в его жизни начинается какой-то новый этап, и что всё, что было до этого – со всеми его планами, со всеми мечтами – уже далеко в прошлом. И что даже если кто-то в этом виноват, даже если он сам во всём виноват – всё равно, в этом не виноват никто – просто, видимо так получилось.

До него долетела лишь последняя её фраза:

- Саша, ты же не хочешь прыгать, надеюсь? Ты с ума сошёл!. Саша, спускайся, и мы поговорим.

А он даже и не хотел прыгать. У него и в мыслях такого не было.

- Ты же понимаешь, Саша, что я *всё равно* не хочу тебя терять! Ты ведь мне *всё равно* очень-очень близкий человек! Не пугай меня, Саша!

Саша сделал несколько шагов назад, разбежался и прыгнул вниз...

Все вокруг стояли, и не могли понять, что случилось – настолько быстро всё произошло. Они услышали жуткий крик девушки, обернулись – и увидели, как на асфальте лежит мёртвый молодой человек. В том, что он был мёртв, не было никакого сомнения. Он лежал с прозрачными, как стекло, глазами, изо рта его текла кровь. Мужчина с бакенбардами подбежал первым, присел возле Саши, и проверил пульс.

- Всё, - коротко сказал он и, покачав головой, начал набирать номер скорой.

Оксана сидела на грязном асфальте у подъезда, прислонившись спиной к скамейке, её всю трясло, она смотрела перед собой, и ничего не видела, и не понимала, что происходит вокруг. Кто-то укрыл тело Саши большим куском картона, валявшимся возле мусорных баков у скамейки. Проходящая мимо мама с сыном закрыла мальчику глаза, крепко схватила за руку и быстро повела за собой. Мужчина с сигаретой надел на плечи Оксаны свою олимпийку и предложил ей пересесть на скамейку. А Саша просто встал, вытер кровь с подбородка, развернулся и ушёл.

ЭТЮД

Мы лежали в тёплой постели с толстым ватным одеялом. Она положила голову мне на плечо и молчала. Я обнимал её одной рукой и смотрел в потолок.

- Как у тебя сегодня день прошёл? – вдруг спросила она.

- Нормально. Тебе действительно интересно?

- Конечно. А почему мне не может быть интересно?

За окном весь день шёл сильный дождь. Я посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать. На улице залаяла собака.

- Нормально.

На самом деле я сегодня опять опоздал на работу, затем отравился чем-то в кафе, куда я хожу обедать, и под вечер я порвал подошву и пришёл домой в сыром носке.

- Нормально, - ещё раз повторил я. А у тебя как?

Она ответила не сразу.

- Может тогда просто помолчим?

- Ты же сама первая спросила!

- Ну и что. Если ты не хочешь разговаривать.

Дождь всё лил не переставая. На улице опять залаяла собака.

- Паршивый сегодня день, если честно, - сказал я.

- Ужасный. Я ещё подошву порвала где-то. Все ноги промочила.

- Да ну! Вот ведь бывает.

На кухне включился холодильник.

- Расскажи что-нибудь.
- Ты мне руку отлежала.
- Ой, извини! – она привстала.
- Да ничего. Лежи.

Она легла обратно.

- Слушай, а тебе этот холодильник спать не мешает? Он когда включается, я вздрагиваю постоянно.

- Привык уже. Когда уснуть не могу, только и жду, когда он включится.
- Зачем это?
- Ну чтобы потом, когда он выключится, пять минут в тишине полежать.
- А-а.
- Да и не скучно с ним. Когда работает, кажется, что я не один дома.
- Здорово.

Холодильник выключился.

За окном несколько раз прогремело.

Она вздохнула.

- Собака почему-то больше не лает, - сказала она.
- Уснула может?
- Как она уснёт! Такой дождь! Наверное, сидит под кустом и мокнет. Ещё гроза сейчас начнётся.
- А может её просто выгуливали, она и лаяла, а сейчас завели домой?
- Хоть бы так и было.

На улице сверкнуло и собака опять залаяла.

- О чём ты думаешь?

- Ни о чём, - ответил я. – А ты?

- Думаю, почему собаки лают. Она ведь наверняка что-то этим сказать хотят.

Вот когда человек что-то говорит, если даже непонятно что – допустим, на иностранном языке каком-нибудь – всё равно понятно, радуется он или сердится, доволен или нет. А собака просто лает, и непонятно, хорошо ей или плохо.

- Ага.

- А ещё думаю, почему у тебя нога из-под одеяла торчит.

- Не знаю, я привык так. Когда под одеялом жарко, а без него холодно – я ногу высовываю и нормально.

- Понятно. А я вот не люблю, когда одеяло внизу скатывается, у ног. А сверху нет его. Хочешь укрыться, хватаешься за него – а там пододеяльник один. Одеяло всё внизу, скаталось. Очень неприятно.

- Ага.

- А ты что не любишь?

- Когда ответственности много. Людей злых не люблю. И помидоры.

- А я изюм не люблю, а виноград люблю!

- Я тоже.

- А ещё не люблю рано утром вставать, когда куда-то идти надо, куда не хочется. А если никуда не надо, или хочется, то люблю.

- Точно.

Я посмотрел на неё. Она водила пальцем по моей груди и беззвучно, одними губами напевала какую-то песенку.

- Можно я тебя поцелую? – спросил я.

Она удивлённо взглянула на меня.

- Конечно можно, зачем спрашиваешь?

- Только по-настоящему.

- Можно, - сказала она, привстала, провела ладонью по моей щеке, закрыла глаза и поцеловала меня в губы.

- Так?

- Так, - ответил я.

Она опять легла мне на плечо.

- Знаешь, а я бы, наверное, женился на тебе.
- Глупости ты говоришь.
- Ничего не глупости!
- Глупости. Может быть, в другое время, в другой ситуации...

Было слышно, как дождь постепенно стихает.

- А ты бы согласилась?
- Да ну тебя.
- Ну согласилась бы или нет?
- Может быть.
- В другое время и в другой ситуации?..

Она ничего не ответила.

Мы просто лежали и молчали. Когда я посмотрел на неё, она уже дремала. Я взглянул на часы. Половина первого. Нам оставалось быть вместе ещё десять минут. Продлевать я не стал.

ЛИЗА

Лиза проснулась рано утром, не было ещё и шести. Будильник должен был прозвенеть только через час. Лиза, приподнявшись на постели и широко зевнув, слезла с кровати и почувствовала головокружение, в глазах как будто потемнело.

- Слишком резко встала, - подумала Лиза и, накинув халат, прошлёпала босыми ногами в ванную.

Наскоро умывшись прохладной водой и зачесав волосы назад, Лиза посмотрела на своё отражение в зеркале и покачала головой. Лицо было бледным, под глазами синие пятна. На щеке и на лбу выскочили два маленьких прыщика. Лиза попробовала выдавить один из них, но он отозвался болью по всей щеке.

- Какие красные глаза, - подумала Лиза, придвинувшись ближе к зеркалу и широко раскрыв один глаз. - Не выспалась.

Она тщательно почистила зубы, отчего-то поскребла зубной щёткой язык, прополоскала рот и сплюнула в раковину.

Вытершись полотенцем, Лиза повесила его на крючок, вышла из ванной на кухню и включила чайник.

За окном с трудом рассветало. Было ещё темно, но отчётливо слышалось, как подсохший снег скребут ржавые дворницкие лопаты. По дороге проехала железная тачка с песком, и какая-то женщина, зачерпнув совком немного песка, бросила его на покрывшийся инеем лёд.

Лиза не стала включать свет.

- День только начинается, - подумала она. А яркий верхний свет на кухне напоминал ей о вечерах, которые она так не любила.

Лиза с трудом открыла подмёрзшую форточку, и ей в лицо дунуло колючим утренним морозцем. Тут щёлкнул вскипевший чайник, и Лиза, нащупав ногой табуретку, слезла с подоконника, насыпала в чашку две ложки кофе, ложку сахара и ложку сухого молока и залила это всё кипятком.

На улице чирикнула первая птичка, и Лиза, поставив чашку на стол, выглянула в окно. Вид во двор ей плотно загораживали ветки, но и сквозь них уже было видно одинокие расплывчатые силуэты.

Несколько минут она просто сидела за столом, закинув ногу на ногу, подносила ко рту чашку и с шумом втягивала в себя горячий кофе.

Редкие звуки проезжающих за окном машин, постепенно учащаясь, сливались наконец в один протяжный гул. Город просыпался.

Лиза посмотрела на часы. До семи оставалось ещё почти тридцать минут, и она вполне успевала.

Вновь зайдя в ванную, раздевшись, Лиза залезла под душ. С утра он казался ей чересчур холодным; она всё крутила и крутила красную ручку смесителя, пытаясь сделать воду погорячее, и всё равно дрожала от непонятного озноба. Ванная быстро наполнилась паром, зеркало запотело, и Лиза указательным пальцем нарисовала на нём маленькую улыбающуюся рожицу и сердечко под ней. Направляя струю горячей воды себе сначала на грудь, потом на живот, Лиза видела, как краснеет покрытая мурашками кожа, и чувствовала, что вода слишком горячая, но всё равно дрожала от холода.

- Почему я такая худая? – подумала Лиза, поглаживая свой впалый живот. – Сколько ни ем – а всё никак не могу потолстеть.

Мокрая, она вылезла из ванны, встав на холодный кафель на полу, и тут же почувствовала, как от ступней до низа живота пробежали мурашки. Лиза сняла с крючка полотенце и медленно начала вытираться, глядя на себя в запотевшее зеркало. Сердечко почти высохло, а маленькая рожица почему-то продолжала улыбаться.

- Странно, - вслух удивилась Лиза.

На секунду ей показалось, что рожица смотрит ей прямо в глаза, и что она вовсе не улыбается, а хочет что-то ей сказать. Лиза бросила полотенце на пол, схватила халат и выскочила из ванной.

Посмотрев на себя в зеркало в прихожей, Лиза решила, что не будет сегодня краситься. Лицо её распарилось и чуть порозовело, прыщики были уже не так заметны. Лиза взяла расчёску и минут десять просто расчёсывала свои кудри, глядя в своё отражение и стараясь ни о чём не думать.

Вдруг в её комнате зазвенел будильник.

- Семь часов, - подумала Лиза и, отложив расчёску на полку, пошла выключать будильник, оставляя на полу мокрые следы босых ног.

За окном постепенно становилось всё светлее - уже можно было различить фигуры, не высовываясь в форточку и не приликая носом к стеклу. Кто-то бодро хрустел снегом, торопясь на работу; лаяла чья-то собака; пустое ведро стучалось о мусорный бак.

Лиза поправила одеяло и забросила кровать пледом, взяла одну подушку в руки, немного взбила её и положила в шкаф, после чего ещё некоторое время стояла у окна, смотрела на улицу и грела руки на батарее. У неё в голове звучала музыка, название которой она никак не могла вспомнить.

Улица постепенно наполнялась людьми; Лиза смотрела на них, пытаясь разглядеть лица, но люди были далеко, и быстро проходили мимо.

- Как их много, - подумала Лиза.

Внезапно она начала вспоминать, что давно, когда она была ещё маленькой, она сидела в комнате на полу и строила из кубиков домик. Вдруг в комнату зашла мама, держа за руку девочку её возраста. Мама сказала, что у этой девочки нет мамы, и чтобы Лиза поиграла с ней. Лиза дала ей свою куклу, и они долго молча играли, не глядя друг на друга. Что было дальше, Лиза, как ни старалась, так и не смогла вспомнить. Она потом часто рассказывала об этом своей маме и спрашивала у неё, что это была за девочка, но мама неизменно отвечала, что не помнит этого, и что, скорее всего, Лизе всё это приснилось в детстве. Лиза и сама не могла сказать точно, было ли это на самом деле.

- Может быть, действительно приснилось, - сказала Лиза. Ей давно уже не снились никакие сны.

Где-то она прочитала, что сны на самом деле снятся всегда, но человек не всегда может их вспомнить. Однако ещё один сон Лиза помнила до сих пор.

Однажды утром она проснулась и не могла пошевелиться. Лиза отчётливо понимала, что проснулась – не было того туманного ощущения, какое обычно бывает во сне, и она помнит всё очень подробно: тюль слегка колыхался от сквозняка, на потолке сидела жирная муха, и в соседней комнате работал телевизор. Ей стало страшно, она хотела закричать, открыла рот, но не смогла издать ни звука. Ей даже показалось, что она не дышит – как будто сдавили горло. Обычно, когда Лизе

снились кошмары – она, осознавая это, заставляла себя сильно тряхнуть головой и резко встать - и тут же просыпалась.

- Неужели я всё ещё сплю? – подумала Лиза.

Она попыталась тряхнуть головой, вскочить с постели – но не смогла. Её как будто придавили к кровати.

- Я умерла... - еле слышно, одними губами, прошептала Лиза – и проснулась.

Лиза не любила находиться дома одна. Она всегда включала телевизор и занималась своими делами – так ей казалось, что дома кто-то есть, и от этого было уже не так одиноко. Лиза включила телевизор, отнесла две чашки с недопитым кофе на кухню и положила их в раковину. В семь тридцать она оделась и вышла на улицу.

Присев на лавочку у подъезда соседнего дома, Лиза положила руку в карман пальто и долго думала, закурить ей или нет. Она обычно всегда курила по утрам, и не понимала сейчас, что её удерживает. Наконец, достав сигарету, она ещё с полминуты жевала её, и, так и не решившись зажечь, убрала её обратно в пачку.

На светлеющем небе упорно висела рябая луна. Лиза сидела на скамейке, смотрела на луну и думала, почему Сашка вчера не остался. Они сидели, пили кофе, Лиза весь вечер плакала. Сашка успокаивал её, спрашивал, желая, видимо, отвлечь, как у неё дела в институте, что-то рассказывал про их общих друзей, про книгу, которую он сейчас читает. Они пытались говорить о чём-то постороннем, но оба понимали, что думают об одном и том же. Лиза почти ничего не говорила, лишь односложно отвечая на Сашкины вопросы. Потом они долго сидели молча. Сашка смотрел на Лизу, будто думая, что ещё можно сказать.

- Ты останешься? – спросила она.

Он придвинулся к ней ближе, взял за плечи и поцеловал в лоб.

- Не могу сегодня. Извини. Я пойду уже сейчас, - выдавил из себя Сашка и крепко обнял Лизу.

Затем он поцеловал её ещё раз, и ушёл, пытаясь в дверях ещё что-то сказать напоследок.

Луна постепенно растворилась, небо просветлело, и высыпал мелкий противный снежок. Ещё с полчаса Лиза бродила возле своего подъезда, затем прошла по тропинке до автобусной остановки и обратно, надеясь, видимо, встретить Сашку, прекрасно зная, что он не придёт.

К половине девятого она уже была в больнице, сидела в коридоре, ждала своей очереди. Все девушки сидели молча, стараясь не встречаться друг с другом взглядами. Когда она вышла, во дворе больницы её уже ждал Сашка в своей смешной шапке, которая Лиза связала ему на зиму. Он перетаптывался с ноги на ногу и дышал на ладони, в который раз забыв дома перчатки. Увидев Лизу, он бросился к ней, крепко обнял и долго не отпускал. Она чувствовала, как он весь дрожит, и как трясутся его руки.

- Вот и всё, - сказала Лиза.